

Cecmpe

При царизме пятилетки еще не было, потому люди не знали свою судьбу. Так царизм играл человеком.

Фаина народилась в городе Батуме.

Про своего отца Фаина знала со слов своей матери.

Отец Фаины служил телеграфистом. Из-за характера отец сильно давил своей рукой на то, на что полагалось давить. Хоть полагалось давить не сильно. Такая старательность довела мужчину-телеграфиста до тяжелой болезни всего организма.

Получилось, что отца Фаины взялся лечить один хороший доктор, а сам вылечил неправильно, потому отец умер себе в тридцать три года.

Интересно, что отец Фаины умер без своего ребеночка, и ребеночек родился уже у одной матери.

Мать Фаины умела шить. И после смерти мужа мать Фаины начала шить как белошвейка на швейной машинке «Зингер». При царизме машинки были не у всех на свете швеек. Мать Фаины была не все, потому у матери и было.

Когда случилось, что тонул пароход «Владимир», Фаина с матерью как раз тонула на этом самом пароходе.

Получилось, что мать со своей дочечкой ехала в Одессу на встречу с просватанным женихом для матери, бездетным вдовцом по имени Новиков. Забывал Новиков на жизнь тем, что имел магазин и хорошо там торговал разной на вкус и на цвет материей. На щуп новиковская материя тоже была разная. А цену Новиков давал на все на свете хорошую. При царизме от людей скрывали, что при царизме ничего хорошего не было, тем более цена. Потому люди и тянулись хоть за чем хоть к кому.

И вот мать Фаины утонула.

Мать утонула одна, без Фаины. А Фаину удачно вытянули из воды. Ей тогда было восемь лет. А случилось все это в 1894-м.

Интересно, что мать всегда на улице держала Фаину за руку. Так же было и на пароходе.

Когда пароход уже наклонился передом в самую воду, мать случайно выпустила руку дочечки и схватилась этой своей рукой за что попало. А другой своей рукой мать держала пробковый пояс. Получилось, что для Фаины у матери рук больше никаких не осталось.

Фаина не знала, как человеку находиться не дома без руки, и в голос заплакала на месте. Поскольку в голос плакала не одна Фаина, а почти что все на свете, кто бегал на палубе туда-сюда, мать не сразу оглянулась на свою дочечку и упала в воду сама. Наверно, мать подумала, что Фаина схватилась за материно платье или просто хорошо падает себе рядом.

Еще раньше капитан на пароходе приказал всем рубить топорами все на свете плавучее вроде дверей и кидать в воду.

Все начали рубить и нарубили кто сколько мог. Потому мать Фаины упала не в пустую воду, а головой попала в нарубленную дверь и крепко ударилась. Тут как раз пришла большая волна. Большая волна сдвинула ударенную мать в сторонку и накрыла всю с ударенной головой.

Фаина своими глазами видела, что волна накрыла мать. У волны была белая бахрома и цвет такой же, как у шали, которой мать накрывала Фаину дома. Ночью у Фаины было одеяло, а днем была дорогая шаль с коричневым пятном на самом краю. Мать хотела нагладить после стирки, а силу горячего утюга не посчитала.

Мать накрывала шалью дочечку от плохого. Мать говорила, что по шелку все на свете плохое скатится. Почему мать не накрывала свою дочечку шелком ночью, хоть бы и сверх одеяла, непонятно.

И вот мать пошла себе на дно.

Фаина быстренько тоже засобиралась на дно, чтоб успеть все-таки схватиться за материну руку. Но как-то так получилось, что вместо дна Фаина осталась на воде. Фаина не умела плавать и просто била воду с пяти сторон — двумя руками, двумя ногами и одной головой тоже.

Фаина не запомнила вокруг себя людей — ни на воде, ни на лодках, ни на кто на чем. А запомнила, как ее рука ударила не по воде, а по дереву, которое получилось дверями с ручкой.

Какая-то сила взяла и дотянула руку Фаины до этой ручки, как до руки матери.

Может, это была дверь, которая убила мать Фаины. Может, дверь знала, что не вынесет двоих, и выбрала себе девочку.

Когда в доме пол натирался мастикой, мать катала Фаину туда-сюда на куске войлока. Фаина села на двери, как на войлоке, и все на свете у Фаины стало спокойное.

А до парохода у Фаины с матерью было так.

Фаина с матерью жили без поддержки родных людей, потому что мать еще раньше постигло сиротство. Братьев и сестер у матери тоже не было. Почему мать осталась без помощи родни мужа, Фаине мать не рассказывала.

Фаина из-за работы матери много видела в доме почти что совсем раздетых женщин. Фаина надумывала себе, какой она сама будет, когда вырастет до женщины. Крепкое решение Фаина для себя принять не могла, потому что оно каждый день менялось. Лучше всего Фаине нравилось решение быть когда как.

В доме у матери с Фаиной мужчин не было. Фаина видела мужчин только на улице. Фаина думала, что мужчины никогда не живут в домах, что мальчики-дети в домах живут, а мужчин там никто не держит.

Мать боялась, что Фаину украдут, и не пускала играть с чужими детьми. И в дом мать детей не пускала, потому что боялась чужих зараз, которые могли перескочить на дочечку.

Мать начала сама учить Фаину, рассказывала на словах про то и про сё и показывала буквы. Счет Фаина постигла в ходе быта, как почти что все люди.

Незадолго до парохода в дом пришла женщина.

Мать посадила женщину пить чай с вареньем и с булкой.

Фаина смотрела, как женщина начала пить и крошить на стол и на пол. Мать ногой и рукой сдвигала крошки, чтоб они были не сильно видные.

Что такое говорила женщина, Фаина слышала, но не поняла, хоть многие слова из сказанного уже хорошо знала. Женщина говорила скоренько-скоренько, как на балалайке. У Фаины заболели уши, и она ушла в другую комнату.

Потом за Фаиной пришла мать и сказала, что они поедут на пароходе в город Одессу, к одному хорошему человеку.

Фаина уже знала, что хорошим человеком бывают хоть женщины, хоть мужчины, но не спросила, кто же это будет такой.